

ЛЮБЛЮ ПЕТЬ В МОСКВЕ

имена и судьбы

Жюльетт Греко живет неподалеку от отеля, в котором я остановился, на улице Верней. Завтра она улетает на гастроль в Лондон. Я тороплюсь. Поднимаюсь по широкой лестнице, устланной ковровой дорожкой, на второй этаж в просторную гостиную. В углу, у широкого окна, стоит раскрытый рояль. Мягкие диваны, кресла, низкие столики. Жюльетт появляется неслышно, мягко ступая по ковру. На ней легкая черная туника. Черные волосы гладко зачесаны и собраны на затылке в пучок. Издали она похожа на турчанку. Что-то восточное есть и в выражении слегка раскосых удлиненных глаз на художественно скулатом лице, и в овале лица, и в срезе носа, и в углах тонких губ. Разговаривая, она выразительными жестами подчеркивает слова, выявляя мысль, и даже когда умолкает, ее пластично двигающиеся руки, скошенный взгляд, энергичный поворот головы продолжают «разговаривать»... А вчера на празднике «Юмани-те» в Курнев, когда она исполняла свои песни, ее руки словно сливались с музыкой: как крылья птицы, они то взлетали над головой, то падали вниз подкошенные, обессиленные.

Ей восторженно аплодировали тысячи слушателей. А сегодня она сидит, утопая в низком кресле, по-домашнему простая, усталая и счастливая, медленно потягивая из стакана апельсиновый сок.

— Расскажите, Жюльетт, о празднике «Юмани-те». Ваше впечатление о слушателях?..

— Они пришли не по обязанности — их привели туда солидарность, желание встретиться друг с другом. Люди приходят на этот праздник потому, что здесь счастье, которое невозможно не почувствовать. Что мне нравится — на этом празднике не подпевают под аккомпанемент публики, ей не угождают. Каждая участница, каждый член партии отдает свое время, жертвует сном — ничего не жалеют для успеха праздника. Это замечательно. Я не думаю, что кто-то еще мог бы организовать во Франции такое торжество...

Шел дождь, был сильный ветер, такой, что все ноты разлетались. А я одна на сцене. Боялась, что меня унесет ветром. И в то же время чувствовала: я не одна, мы все вместе. И мы действительно были вместе — и артисты, и слушатели. Я пела песни, понятные и любимые народом.

— Вы хотите сказать, что есть песни и песни?

— Да. Есть текст и текст. Можно эксплуатировать глупость людскую или пробуждать разум. Некоторые люди говорят: «О-ля-ля, время песни с текстом кончилось». Конечно! Новые веяния из Америки и Англии, как это пе-

чально, бедная вы». Я бедная? Какая глупость! Я считаю, что надо уважать людей, для которых поешь. Так делали Брассенс, Брель, Барбара, они уважали публику...

Жюльетт ставит на стол стакан с соком и, скрестив над головой руки, добавляет:

— О-ля-ля! Завтра лететь в Лондон, петь...

— Мне пора, как говорят музыканты, «собирать ноты»?

— О, нет, мне самой интересен наш разговор... Глупость — худшая из болезней. У меня уже плохая слава среди корреспондентов. Они говорят: «Греко — о, это ужас, что такое!» Приходят, спрашивают: «Что вы едите по утрам?» Какая чушь!.. Ем, что мне нравится, что хочу. Какое им дело? Это ужасно, когда вмешиваются в личную жизнь. Я придумала средство — сразу же начинаю судебный процесс. Теперь никто ко мне не лезет. Мы говорим о работе, о ее результатах, но не о личной жизни. Это ужасно — публичное разделение, стараться быть такой, как вас представляют. Я обыкновенная женщина, как все.

Жюльетт, помолчав, продолжает:

— Почему у нас так редко слышишь слово «счастье», хотя его пишут на обручальных кольцах? Я вам отвечу... Я сама являюсь свидетельницей того, как рушится этот буржуазный мир с его представлениями, с его моралью. В глубине души я убежденная коммунистка. Я люблю думать, а это не всем нравится.

Мы договариваемся продолжить беседу в Москве, во время предстоящих гастролей певицы.

Вторая встреча состоялась в гостинице «Россия». Возбужденная горячим приемом москвичей, Жюльетт с готовностью отвечает на мои вопросы.

— Мое детство было коротким и очень-очень счастливым до 6 лет. В 6 лет я потеряла дедушку, и это было для меня большим ударом. В 14 лет во время оккупации Парижа фашистами я была схвачена гестапо и посажена в тюрьму, а моя мать и сестра были отправлены в концлагерь. Около двух лет я жила одна. Жила, как могла, работая, вернее, стараясь работать. Я была очень молода, и мне не хотели давать работу. Театральному искусству — я хотела заниматься театром — я училась бесплатно, потому что женщина, которая давала мне уроки, говорила: «Я уверена, что когда-нибудь ты мне вернешь эти деньги». Она верила в меня и, к счастью, не ошиблась. Первую песню я публично спела по странному стечению обстоятельств. Однажды меня попросили вместе с моими друзьями возродить кафе «Бык на крыше». Это было место, где собирались художники и поэты: туда приходили Андре Бретон, Пикассо, Жан Кокто, Сартр. А потом кафе опустело, потому что эти люди состарились. Было решено дать ему новую жизнь. У меня спросили: «Почему ты не поешь?» А почему бы и не петь? Я пошла к Сартру, с которым в то время была дружна. Он сказал мне: «Ну, так и пойте, пойте!» Я сказала: «Да, но что?» Он спросил: «Что вы любите?» Я ответила: «Есть песня, которая мне нравится, это «Опашие листья». Я нахожу ее очень красивой...» Он дал мне целую стопку книг с закладками и сказал: «Выбирайте». Я выбрала стихотворе-

ние Раймона Кено, которое называется «Если ты думаешь...», и Жозеф Косма тут же написал музыку. Я выбрала также стихотворение Жюль Лафорга. Конец стихотворения стал моей песней «Вечная женственность». Потом Сартр подарил мне «Улицу белых манто» и сказал: «Пойте ее, и в добрый час!» Таким образом, я начала с трех песен: «Если ты думаешь...», «Вечная женственность» и «Улицы белых манто».

— Вы упомянули, что попали в гестапо. За что?

— Причина моего ареста то, что я была дочерью участницы Сопротивления, сестрой участницы Сопротивления, да и сама я разослала корреспонденцию. Я не вызвала подозрений, так как была совсем юной, и, когда ехала в школу на своем велосипеде, никто не обращал на меня внимания.

— Ваши взгляды на положение артиста в современной Франции. В чем трудности?

— Положение артиста трудное, у нас очень мало специальных школ, мало консерваторий. Хочешь заниматься музыкой — надо иметь много денег, хочешь учиться театральному искусству — надо иметь деньги. У бедного человека нет никакой надежды стать музыкантом, давать концерты, если только его отец не такой, как отец моего композитора Жерара. Этот простой рабочий пожертвовал всей своей жизнью для того, чтобы его сын смог заниматься музыкой. И когда Жерар получил все свои дипломы, отец его умер. Ему пришлось прервать карьеру, чтобы кормить семью. В общем, если нет денег, добиться чего-либо трудно.

— Человек, который хочет сказать в искусстве свое слово, вынужден прозябать, если это слово расходится с интересами тех, кто его финансирует?

— Или, приспосабливаясь... А артист должен рисковать. Надо обязательно рисковать. Мы не можем приспособливаться. Сначала надо научиться своему ремеслу, то есть иметь возможность учиться ему как следует, его технике, а затем поставить эту технику на службу своей собственной мысли. Я думаю, что это необходимо.

— Жюльетт, какое впечатление Москва и москвичи произвели на вас в этот приезд?

— Все очень-очень отличается от того, что я видела в первый раз. Это совершенно другой город, абсолютно, лицо города изменилось полностью. Прежде всего много строек. И потом город стал очень красивым, выросли новые деревья, появились новые парки. Люди держатся непринужденно, хорошо одеты...

— Московский зритель отличается от парижского?

— Совершенно отличается. У вас многие имеют музыкальное образование. И потом ваша страна — это страна артистов, страна музыкантов, художников, танцоров, актеров, страна великодушных кинорежиссеров. Русские обладают артистическим темпераментом. Это не комплимент, а констатация. В общем, это люди заинтересованные и внимательные. Они чувствуют слова, они глубоко эмоциональны.

Из номера, где живет певица, виден весь кремлевский ансамбль и храм Василия Блаженного. Жюльетт подходит к окну, долго смотрит на Кремль и, не оборачиваясь, добавляет:

— Я люблю петь в Москве.

Максим САГАЛОВИЧ.

ПАРИЖ — МОСКВА.